

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО см. на ОБОРОТЕ.

– Александр Борисович, давайте поговорим о приятном. Давайте поговорим о "Битлз". Для вас они много значат?

– Очень много. Они как бы исподволь объяснили мне подходы и варианты. Ведь я начал сочинять и петь не намного позже, чем они. Мои первые опусы – 63-64-й год, у них – конец 50-х. Но первые успехи у них как раз приходились на 63-64-й годы. То есть это Love Me Do, Please Please Me... Я опаздывал на три месяца, на полгода. А потом перестал опаздывать.

Я с ними не соревновался. Соревноваться с "Битлз" мне было бы сложно. Я сидел у себя на кухне, они совершали мировые туры.

Со временем, когда я научился многие вещи исполнительские делать лучше, чем многие, и многие, и многие, хамская уверенность в своих силах только усилилась во мне. И тогда я понял: если что-то умеешь по-настоящему делать – можно сидеть на кухне.

Когда меня спрашивают, почему ты себя не доказываешь, не снимаешь какие-то телевизионные программы, демонстрируясь во всей "красе", не пытаешься себя где-то нагнетать, каких-то нанимать агентов, продюсеров, тыкать Паваротти в лицо свои до-диезы...

Для чего? Чтобы Паваротти отмахнулся и сказал: "Достал ты, Саня, всех своими до-диезами"?

А вот когда сидишь на кухне под абажуром и знаешь, что у тебя есть до-диез, а у него нету... Ну нету, нету... И, вероятно, уже никогда не будет... Само сознание, что это – так, дает очень много.

Мальчишке очень трудно самому себе доказать, что ты что-то умеешь. Человеку взрослому, уже прошедшему многое, многое, многое, – очень просто.

– Александр Борисович, вы тут упомянули всуе о до-диезе, который есть у вас и которого

большим рок-н-ролльщиком, чем другие – превратился во все что угодно, только не в музыку.

Рок-н-ролл стал для них идеологией, может быть, поэзией, может быть, стилем жизни, символом чистоты помыслов каких-то... И перестал быть музыкой. Перестал быть музыкальным умением.

Почему? Потому что для того, чтобы "музыкально уметь", надо пахать, надо знать все досконально, начиная с музыкальной школы. А заниматься всем этим человек начинает где-то около 20 лет, и о какой музыкальной школе можно говорить? Человек до 20 лет не знает нот!

или Америку. Сразу! Потому что у меня были данные такие, с которыми НАДО туда ехать! И тогда я мог бы жить и здесь, и там.

Ведь проблема моя была в том, что я не мог уехать. Исходя из того, что тогда нельзя было уехать, чтобы вернуться. Тогда ведь как отъезжающих спрашивали: "Ты – навсегда?" Уехать навсегда я не мог. И я решил для себя: "Остаюсь здесь! И будь, что будет!"

Я, между прочим, простите меня за пафос, был и остаюсь патриотом. Я – патриот России и стал им гораздо раньше, чем Зюганов и Баркашов! Ко-

БЫТЬ ГРАДСКИМ

нет у Паваротти. Понятно, что теперь удержаться от "оперного" вопроса я не могу. Или сами о "Золотом петушке" расскажете?

– Расскажу, если хотите. Это был 88-й год. Постановка Большого театра. Светланов Евгений Федорович доверил мне в этой постановке роль Звездочета.

Для меня это было очень важно. Потому что я доказал себе, что я могу совершенно спокойно, не будучи оперным певцом по работе, в великом театре, с великим дирижером выйти в сложнейшей партии и спеть ее так, как ее надо спеть.

На самом деле этот спектакль оказался довольно проблемным для Большого. Дело все в том, что театр эту работу как-то не очень принял. У всех оклады, и лишний спектакль никому не нужен.

Спектакль получился очень тяжелый, с трудной музыкой. Для вокалистов – тем более. Но когда мы эту оперу показали, выяснилось, что она очень привлекательна для иностранных гастролей.

И вот как только японцы нас пригласили, артисты Большого сказали: "Как же так?! Мы тоже будем петь! Мы тоже люди! Хотим иены..."

И как только это случилось, сначала меня в спектакле не стало, а потом и Светлана. Думаю, что кое-кто этому очень сильно порадовался.

– То есть вас из спектакля выжили?

– Выжили – не совсем точно. Просто создалась ситуация, при которой надо было играть в игры. А мне это было неинтересно.

– Александр Борисович, вы ведь не только музыкант вообще, но и рок-музыкант в частности – стало быть, следующий мой вопрос не покажется вам странным. Скажите, рок-н-ролл – жив?

– Это смотря на чей вопрос отвечать. Если отвечать на вопрос одной известной английской рок-группы, то жив.

Если же отвечать на то, что потом было перефразировано, то – сто процентов! – этот их рок-н-ролл, даже не родившись помер.

У меня была в песенке фраза по поводу советских рок-н-ролльщиков так, групп: "Еще не родившись, сдох рок-н-ролл наш"...

...Они не сделали рок-н-ролла. Рок-н-ролл – это прежде всего музыка. Это надо понимать.

– То есть рок-н-ролла у нас не было?

– Были попытки. Более трехсот музыкантов, причем из самых разных городов, в какой-то момент могли это движение создать. Это были и Москва, и Питер... Иногда даже какие-то неожиданные города типа Архангельска...

– А Свердловск?

– Свердловск – чуть-чуть меньше. Свердловск – уже совершенно эстрадная музыка. После "Урфин Джусис" – это как бы эстрада. И хорошая. И мне нравилась "Наутилус" – их первые шесть-семь вещей. Все равно это была эстрада. Рок-н-ролл, может быть, там присутствовал как идеология (как они ее понимали).

И ведь после этого что началось? Рок-н-ролл с легкой руки последователей Андрияша Макаревича – хотя Андрияша-то сам был и остается куда

Получается, надо не выходить на сцену, надо брать Калмыкова и Фридкина (книжки по музыкальной грамоте), надо садиться и в течение трех-пяти лет – не деньги зарабатывать, а заниматься основами музыкальной грамоты.

И этого никто не стал делать вообще! Никто не стал заниматься пением! Никто не стал ставить себе голоса!

– В чем же причина всего вышеперечисленного? Мы по-прежнему ленивы и нелюбопытны?

– Не в этом дело. Просто у нас не было того, что было на Западе – правильных представлений о том, что такое в музыке "хорошо" и что такое в музыке "плохо".

Когда вокруг тебя существует музыка на тысячах музыкальных станций, которая и замечательно, и точно, и вкусно спета и сделана, ты не понимаешь, как можно петь фальшиво. Потому что все вокруг поют чисто.

В то же самое время здесь у нас все поют фальшиво, это тебя окружает, и ты не знаешь, что такое – петь чисто.

Выход первый: петь так же фальшиво и кричать, что ты – "супер" и... не понят. И выход второй: брать книжки и учиться петь грамотно.

Вот ко мне пришла девочка – она из Крыма, занималась в Харькове, окончила консерваторию. Я ее стал распевать, и она показала мне, что у нее есть три октавы красивого, мощного голоса.

То есть у нее есть материал. Ей Бог дал материал. Что там дальше будет – упорная она, неупорная не научится, она себя ставить в этой жизни или не научится, сможет стать выдающейся певицей или не сможет, я не знаю. Но у нее есть материал! А здесь ведь у многих и материала даже нет!

– Предположим, материал имеет место быть. Что нужно музыканту, помимо "материала", чтобы состояться? Чтобы стать тем, кем он может стать?

– Каменная жопа нужна! Помните, Молотова кто-то называл каменной задницей? За его усидчивость, за его терпение... Каменная жопа нужна, повторю я вам!

То есть нужно отказать себе во всем и не считать деньги поначалу, не считать, что ты тратишь время зря. Надо поверить в то, что учеба и профессиональное отношение к своему делу тебе даст плюсы. А это очень трудно! Потому что уже хочется пять тысяч долларов за концерт! Уже хочется на лупоглазом "Мерседесе"! Уже хочется красивую девку! Всего этого уже хочется – уже 21 год!

Более того, выясняется, что стоит тебе только глазом моргнуть, как все это, в общем, уже и есть. У нас в свое время таких шансов не было! Поэтому нам легко было отказать выбор.

От пиджака отказать легко! А от "Мерседеса" – очень тяжело!

– Если бы вы начинали сейчас, вы могли бы отказаться от "Мерседеса"?

– Если бы я сейчас начинал, я бы здесь ни секунды не задержался! Я бы уехал тут же в Англию

гда это было совершенно недопустимо! Когда слово "Россия" вообще нельзя было произносить! То есть СССР – и точка. Понятия "русский", "русское" были фактически под запретом. Так вот я и тогда был русским патриотом.

– Александр Борисович, хотел бы коснуться еще одной темы...

– Про журналюг, что ли?

– Про них, про них. Ваши отношения с журналисткой братией вошли в легенду.

– Не знаю, не уверен. Я лично этим отношениям никакого значения не придаю. Вот написал "Коммерсант", что я пришел на какую-то презентацию в грязной рубашке, в мятых джинсах и в пыльных ботинках.

У меня была НЕ грязная рубашка, НЕ мятые джинсы и НЕ пыльные ботинки! Но у меня не было костюма, бабочки, галстука и белой рубашки, в которой была вся остальная тусовка на этой презентации. Я был просто в джинсовой рубашке "Леви Страус", в штанах "Версаче", извините, и в хороших "боссовских" ботинках.

Все это было действительно неглаженным. Потому что не гладят джинсы, не гладят джинсовые рубашки и ботинки, насколько я знаю, тоже не гладят. Я был брит, у меня была чистая голова и хорошие очки. Что я был должен сделать по итогам этой публикации?

Мне это было неприятно прочитать? Да. Как, в принципе, неприятно читать всякую глупость. Тем более, если она прикрывается таким журналистским ерничаем – дескать, мы вас всех видали на одном месте, мы вас всех можем размазать по стеклу. И вы не думайте, Александр Борисович, что если у вас три октавы диапазон, то мы не можем вас за левое яйцо дернуть! Мы тут смелые ребята, мы все можем! Ну, во-первых, они ошибаются: безнаказанно за яйцо можно дернуть разве что курицу.

А что мне не нравится в сегодняшней журналистике, во-вторых? Мне не нравится неуважение к человеку. К таланту. К таланту любого по-настоящему одаренного человека. Нельзя говорить о большом художнике языке бархольного рынка!

Это неправильно. Это некрассиво. Это нечестно. Это ты примазываешься. Это ты как бы говоришь: "Ну мы тут с Ростроповичем стояли в одной очереди!"

Ну нет! Не стоял ты с Ростроповичем в одной очереди! Никто тебя не заметит рядом с Ростроповичем! И тогда они начинают хамить Ростроповичу, чтобы их заметили. Потому что для них хамство – это единственная возможность обратить на себя внимание.

– И последний вопрос, Александр Борисович. Трудно быть Градским?

– Не знаю. Не пробовал.

(Смеется.)

Александр КОГАН.
Фото Александра АЛЕЙНИКОВА.

